

АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ

Настоящий философ О Володе Калиниченко

Не всякий город имеет своего философа.

Иоганн Валентин Андрес

Продолжая эпиграф: да и не каждый город, имевший своего философа, его помнит. Философ не обозначен, не отмечен, а оттого и очень часто не замечен. Философ — это не звание, не список печатных работ, не репутация. Словом, не профессия. Это что-то в личности человека, что, хочет тот этого или не хочет, пронизывает всю его жизнь, определяет все линии его поведения, а нередко — так именно и случилось с Владимиром Калиниченко — выносит его из потока обыденной жизни, наблюдателем которой, волей-неволей, он делается. Может быть, именно такая необходимая для философа отстраненность от жизни делает его часто непонятым для людей жизни. Но при этом про такого человека будет всегда ошибкой говорить, что в жизни он библиотекарь, министр, летчик, отец, муж, а наедине с собой он философ. В том-то и дело, что настоящий философ — это философ везде и всегда. Таким был Володя Калиниченко, как я его вижу сейчас. Веселый, приветливый, с равным энтузиазмом рассуждающий о гуссерлевской ноэме, псовой охоте и приготовлении рагу из вепря (сначала надо долго мариновать, предупреждал он).

Первый раз мы встретились в местечке Звартава в Латвии шесть лет назад на крайне интимном обсуждении того, *что* есть феномен мысли и *есть ли* вообще такой феномен. Тогда, может быть впервые в новейшей философии и уж наверняка в философии XXI века, Володя высказал идею об отдельной, уже схваченной в рефлексии, мысли: она существует сама по себе, разорвав свою связь с любой возможной причиной своего появления и с любым мыслимым последствием своего существования. Моей немедленной реакцией было: вот философ. Безусловно, так он сформулировал идею «абсолютной мысли».

Позднее, разговаривая с Володей в Москве и Вятке, я ясно видел, что любой значимый для него предмет разговора, сколь бы данный предмет ни был тривиален или даже банален, Володя трактовал как свою абсолютную мысль об этом предмете. Иначе говоря, он был «человеком абсолюта», то есть философом в своем отношении к миру. Это особенно сказалось в его отношении к той дико сложной и омерзительной жизненной ситуации, в которую он оказался включен буквально по принуждению окружавшего его, полностью разложившегося, академического общества. Дураки ищут во всем политику или экономику, на самом же деле — это сплошная этика. А для тебя неизбежен свободный выбор. Но уже первый свободный выбор чуть не свел Володю в могилу. То, что случилось позднее, было лишь последним штрихом в попытке философа отодвинуть от себя моральную приниженность и приспособленчество опротивевшей ему социальной среды, которой он философски противостоял всю жизнь. А затем — вполне ожидаемая смерть.